

И.Е. Евсеев

**Очерки по истории славянского перевода
Библии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
И11

И11 **И.Е. Евсеев**
Очерки по истории славянского перевода Библии / И.Е. Евсеев – М.: Книга по Требованию, 2013. – 176 с.

ISBN 978-5-458-55948-5

ISBN 978-5-458-55948-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Исторія славянской Библии будетъ написана еще не скоро. Въ настоящее время, по состоянію источниковъ, возможно только уясненіе отдѣльныхъ сторонъ этой исторіи. Въ связи съ подготовительными работами въ Коммисіи по научному изданію славянской Библии, пишущій эти строки рѣшилъ принять на себя разработку бытовой обстановки славянской Библии въ жизни славянскихъ народовъ, вмѣстѣ съ историко-литературнымъ обзоромъ письменныхъ и печатныхъ библейскихъ текстовъ, въ ихъ историческомъ движеніи. По особымъ обстоятельствамъ разработка начата не съ начальнаго періода славянской Библии, а со времени окончательнаго перехода ея исторіи на русскую почву, съ конца XV вѣка. Въ общемъ планѣ составителя предлагаемая нынѣ страницы изъ исторіи Библии будутъ составлять первый выпускъ второй части «*Очерковъ по исторіи славянскаго перевода Библии*».

О Ч Е Р К И

по исторіи славянскаго перевода Библии.

II.

Черты бытовой исторіи славянской Библии съ конца XV до XVIII вѣка.
(Къ 200-лѣтію со времени паданія перваго царскаго указа объ усовершеніи славянскаго текста Библии).

14-го ноября 1912 года исполнилось 200 лѣтъ со дня высочайшаго указа Императора Петра I высшей церковной власти о надлежащемъ усовершеніи славянскаго текста Библии, въ согласіи съ греческимъ текстомъ LXX. Какъ и въ другихъ областяхъ церковной и государственной жизни, участіе великаго преобразователя въ дѣлѣ устроенія славянскаго библейскаго текста составляетъ знаменательную эпоху въ судьбѣ славянской Библии, ставитъ грань для старой исторіи и программу для новой исторіи нашей славянской Библии. Осуществленіе этой программы выпало на долю его преемниковъ и является единственнымъ примѣромъ вполне определеннаго заботливаго попеченія о судьбѣ славянской Библии нашей государственной власти, а вслѣдъ за нею и по ея настоянію, и нашей церковной власти за все время, когда попеченіе о Библии лежало на отвѣтственности русскихъ, т. е. съ XV-го вѣка. Дѣйствіе властнаго петровскаго распоряженія продолжается и до настоящаго времени: и мы пользуемся славянскимъ текстомъ Библии, образовавшимся въ силу указа 1712 года и его позднѣйшихъ подтвержденій. Даже болѣе: подъ вліяніемъ двухсотлѣтняго господства петровской идеи или ея практическихъ видоизмѣненій относительно славянской Библии, въ нѣкоторыхъ кругахъ русскаго общества одно время возможно было наблюдать значительную переоцѣнку продукта этой идеи, въ видѣ извѣстной исторической попытки въ сороковыхъ годахъ

прошлаго столѣтія канонизовать принятый нынѣ славянскій текстъ печатной Библии. Однимъ словомъ, для истекшаго 200 лѣтія петровскій указъ былъ непререкаемымъ авторитетомъ въ исторіи славянскаго текста Библии, хотя въ полной мѣрѣ не осуществленнымъ до настоящаго времени, по недостатку вниманія и нѣкоторой холодности къ этому дѣлу высшей церковной власти.

Далекое отъ научныхъ замысловъ, рѣшительное и опредѣленное слово Императора Петра имѣло въ виду упорядочить только практическое, бытовое положеніе славянскаго текста. Имъ опредѣлялось направленіе, въ какомъ долженъ идти этотъ текстъ, устанавливались рамки его развитія. И естественно, что поставленный въ это русло славянскій библейскій текстъ развивался исключительно въ бытовой обстановкѣ создававшейся условіями времени. Даже въ то время, когда наука стала пытаться подойти къ этому тексту съ нѣсколькими запросами, онъ властно отстаивалъ свое бытовое положеніе. По юридическому опредѣленію, славянскій библейскій текстъ принялъ положеніе предмета обычнаго права, а не строго обоснованной кодификаціи. Поэтому этотъ текстъ можно разсматривать только съ точки соответствія его бытовымъ запросамъ и нормамъ русской жизни, а отнюдь не со стороны его научнаго значенія.

Возникновеніе петровскаго указа было подготовлено предшествующею бытовою исторіею библейскаго славянскаго текста. Такимъ образомъ значеніе этого указа можетъ быть уяснено только на почвѣ раскрытія житейской обстановки текста въ ея исторіи, предшествующей 1712 году.

Но этотъ единственный въ исторіи славянской Библии фактъ высшаго правительственнаго вмѣшательства въ судьбу Библии настолько значителенъ и характеренъ, что его съ большимъ правомъ можно разсматривать какъ нравственное средоточіе или жизненный фокусъ всей вообще бытовой исторіи славянской Библии въ Россіи съ XV вѣка. Это самая яркая бытовая и юридически опредѣляющая точка, подлѣ которой возможно объединить весь бытовой матеріалъ, связанный съ славянскою Библіею русскаго періода и до этого указа и послѣ его изданія. Съ точки научной такое центральное мѣсто въ исторіи славянской Библии съ XV вѣка слѣдовало бы отвести генадѣевской Библии 1499 года: въ ней даны всѣ элементы, изъ которыхъ слагалась исторія Библии съ XV вѣка

и ею, ея направлєнємъ и природой въ значительной степени обусловливалась вся послѣдующая дѣятельность въ области славянской Библии. Но въ дѣйствительности памяти о ней хватило въ русскомъ обществѣ только на полтора столѣтія. Здѣсь въ ея исторіи случился крупный переломъ: изъ частнаго пользованія она перешла въ руки церковной власти, и послѣдующая ея исторія, съ половины XVII в. (съ 1663 г.), естественно считалась только съ тѣмъ видомъ Библии, какой установился къ моменту перехода ея къ новому владѣльцу. «Первопечатная» Библия 1663 г., пріобрѣла для послѣдующаго времени характеръ святыни, хотя по существу она воспроизводила то же, что было и въ болѣе раннемъ частномъ Острожскомъ изданіи 1581 года, что, далѣе, впервые дано было въ геннадіевской редакціи. И только не связанный канонической дисциплиной съ первопечатнымъ московскимъ изданіемъ, указъ Петра, какъ повелѣніе высшей государственной власти, отрѣшается отъ господствующей традиціи даннаго момента, объединяетъ предшествующую исторію славянской Библии съ ея желательнымъ будущимъ упорядоченіемъ и такимъ образомъ ставитъ вопросъ о славянской Библии русскаго періода такъ широко и съ такимъ подъемомъ мысли, какъ никакой другой актъ въ исторіи этой Библии за послѣднія четыре столѣтія. На основѣ этихъ, поставленныхъ указомъ Петра I, принципиальныхъ рамокъ, изслѣдователь имѣетъ право и даже рѣшительное побужденіе осмотрѣть всю вообще бытовую исторію русской Библии за два вѣка, предшествующихъ и два вѣка послѣдующихъ за этимъ указомъ. Что этотъ указъ отмѣчалъ существеннаго въ прежней исторіи славянской Библии, съ XV в. до 1712 г., и что узаконялъ въ ней на будущее время? Каковы были, другими словами, господствующія настроенія въ русскомъ мыслящемъ обществѣ относительно Библии, которыми вызывалось появленіе петровскаго указа, какова идеологія самого петровскаго указа и жизненное приращеніе этой идеологіи въ послѣдующее время?

Уяснить бытовую сторону въ исторіи славянскаго библейскаго текста слѣдовало бы на всемъ протяженіи ея съ IX вѣка. Библия въ славянскомъ переводѣ болѣе чѣмъ какое-либо другое литературное явленіе связана съ духомъ и требованіями времени, съ укладомъ и строемъ жизни, съ подъемомъ или извѣстною степенью національнаго просвѣщенія. Библия у славянъ не была запечатаннымъ семью печатями предметомъ

отвлеченнаго почитанія, какъ латинская вульгата: она бѣ пущена въ самую толщу народной жизни, и къ ней не мѣ не прѣстать и нагаръ церковной свѣчи, и копотъ келейнѣ лампадки, и досужій домысль высокихъ архіерейскихъ хоро равно какъ не могли на ней не отразиться и самыя свят сокровенныя помышленія народа отъ воспроизведеній вы кихъ святоотеческихъ созерцаній священнаго писанія приспособленія этихъ таинственныхъ созерцаній къ соврем нымъ переживаніямъ. На ней лежитъ глубокій національн отпечатокъ. И изученіе славянскоѣ Библии виѣ этого истор ческаго отпечатка несправедливо и недостаточно. Она не р кроетъ своего лица и своей души тѣмъ, кто не постарас: войти въ пониманіе ея исторической обстановки, не подо деть къ этой ея исторической судьбѣ съ самою искренн проникновенностью. Недостаточную до настоящаго време научную разработку славянскаго текста Библии, не смотря давнюю заинтересованность ею ученыхъ, мы объясняемъ гл нымъ образомъ отсутствіемъ внутренней органической заи тересованности и нравственнаго сродства работавшихъ на этомъ вопросомъ ученыхъ съ тою областью, къ которой с щественнымъ образомъ принадлежитъ славянская Библия.

Нельзя ожидать, что ученый глубоко и основательно из читъ Пушкина, если ограничить свои наблюденія однимъ толь его языкомъ; не высока будетъ цѣна того изученія афинска акрополя, которое старательно погружится въ опредѣленіе свойст мрамора историческаго Пароснона и не въ состояніи буде обнять ни художественнаго содержанія, ни историческихъ тр диній этого памятника. Между тѣмъ славянская Библия въ н стоящее время изучается наукой только со стороны ея языка письменной традиціи и на основаніи этого дѣлаются оконч тельныя сужденія о ея древнѣйшемъ видѣ, о ея миновш судьбѣ. Поскольку это дѣлается по методическимъ соображ ніямъ, это понятно: другія стороны не изучены, не доступны для соображеній, естественно заключенія должны основ ваться только на доступной изслѣдованію языковой сторонѣ. Но въ изученіи славянскоѣ Библии мы видимъ не то: изсл дователи этого предмета переоцѣниваютъ значеніе результатов своихъ изученій: они почитаютъ, повидимому, свою задачу исполненной, какъ скоро уяснена языковая сторона и тел стуальное преданіе извѣстной части Библии. По крайней мѣр намъ не приходилось читать, чтобы кто-нибудь изъ изслѣд

вателей сознавалъ, что подобная работа—только черновой. подготовительный набросокъ къ восстановленію цѣлой картины, связанной съ славянской Библией. Никакихъ горизонтовъ, никакихъ дальнѣйшихъ точекъ зрѣнія на предметъ не указывается: такимъ элементарнымъ уясненіемъ все почитается достигнутымъ. Если такъ, то здѣсь слѣдуетъ усматривать не временное, методическое ограниченіе въ изслѣдованіи предмета отдѣльной стороной его, а принципиальную узость постановки предмета. И это непростительно, потому что въ изслѣдованіи другихъ памятниковъ древней русской и славянской литературы такого ограниченія нѣтъ: въ книгѣ Эноха Праведнаго почитается возможнымъ возводить идейные корни славянскаго апокрифа за 2 вѣка до нашей эры ¹⁾; въ повѣсти объ Акирѣ Премудромъ идейное и рукописное соотвѣтствіе славянскому переводу отыскивается въ глубинѣ VII—V в.в. до Р. Х., въ ассирійской литературѣ ²⁾. Словомъ, уясненіе судьбы славянской Библии не можетъ отождествляться съ уясненіемъ языка и рукописнаго преданія этой Библии, какъ это пытается сдѣлать современный господствующій приемъ разработки этого предмета. Къ этой области долженъ быть примѣненъ въ полной мѣрѣ методъ историко-литературнаго изученія со всею сложностью его задачъ, какъ это примѣняется въ наукѣ къ другимъ памятникамъ славянской и русской старины. Въ кругъ этого изученія неизбежно должно войти подробное уясненіе жизненной обстановки славянскихъ библейскихъ письменныхъ памятниковъ до восстановленія ближайшихъ и отдаленныхъ литературныхъ предковъ и родичей этихъ памятниковъ, до уясненія идеологіи славянской Библии во всей ея полнотѣ. Примѣненіе къ изученію славянской Библии въ нашей современной наукѣ почти исключительно метода языковаго изученія списковъ, выдвиганіе на первое мѣсто интересовъ славянскаго языкознанія, а не Библии, какъ цѣльнаго памятника, высоко важнаго, помимо его идеологическаго значенія, и для уясненія древней литературной и культурной исторіи славянъ, — такое явленіе

---

¹⁾ Проф. М. И. Соколовъ, Славянская книга Эноха Праведнаго. Посмертный трудъ автора приготовилъ къ изданію М. Сперанскій. Изданіе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Императорскомъ московскомъ университетѣ, М. 1910.

²⁾ Повѣсть объ Акирѣ Премудромъ. Изслѣдованіе А. Д. Григорьева. Чт. О. И. Др. Р. 1912, I.

мы считаемъ только временнымъ предубѣжденіемъ, а не окончательнымъ рѣшеніемъ науки. Сами представители и вдохновители языковой разработки библейскихъ памятниковъ сознаютъ, что при такой ограничительной постановкѣ вопроса не всегда достижимы даже ихъ спеціальныя задачи. Въ этомъ отношеніи знаменательно признаніе И. В. Ягича въ Славянской Энциклопедіи, I, 24, что ни изслѣдованія Сырку, ни изданія Калужняцкаго не выяснили сущности грамматической реформы тырновскаго митрополита Евѣмія. Но почтенный славистъ не указываетъ, что упомянутые изслѣдователи охотились за рыбой чешуей съ очень рѣдкою сѣтью: рыба проскочила въ широкія звенья сѣти, и чешуя осталась на спинахъ ихъ владѣльцевъ.

Самое предубѣжденіе современной науки трактовать славянскую Библию исключительно только съ точки изученія ея языка, по нашему мнѣнію, объясняется не столько состояніемъ нашей науки, не столько ея подготовительной формой изслѣдованія въ этой области, сколько подражаніемъ примѣру начальной вліятельной разработки. Съ самаго начала разработка славянскаго библейскаго матеріала направлена была на грамматическіе вопросы, призвана была обслуживать только языковые интересы, такъ какъ попала въ руки западно-славянскихъ ученыхъ (Добровский), ни въ какой мѣрѣ не связанныхъ съ славянскою Библиею по своимъ жизненнымъ традиціямъ. Въ этомъ направленіи, благодаря, правда, солиднымъ научнымъ вкладамъ западно-славянскихъ ученыхъ, изученіе это шло и идетъ у насъ до послѣдняго времени. Но теперь есть голоса, заявляющіе о необходимости не ограничиваться изученіемъ только языковой стороны вопроса, настоятельно выдвигающіе и другія стороны предмета, какъ равно достойныя и заслуживающія изученія, и время отождествленія научнаго изслѣдованія славянской Библии съ изученіемъ ея языка, надо думать, безвозвратно миновало. Столь многогранный предметъ, какъ славянская Библия, способенъ вызвать десятокъ точекъ зрѣнія для всесторонняго обслѣдованія, и каждая будетъ имѣть и свое законное оправданіе и научное значеніе для уясненія вопроса.

Въ настоящемъ случаѣ мы дѣлаемъ попытку уяснить бытовую сторону славянской Библии съ конца XV-го до XVIII вѣка. Она должна будетъ уяснить значеніе того высокаго правительственнаго акта, какой 200 лѣтъ назадъ, подѣ

перомъ великаго преобразователя русской жизни, опредѣлили принципиальный бытовой взглядъ на славянскую Библию тогдашнихъ правительственныхъ и духовно-общественныхъ круговъ и какой по существу остается исповѣданіемъ русской правящей власти и до настоящаго времени. Но бытовой осмотръ этой области будетъ имѣть и другое значеніе. Какъ одна изъ частей многогранника въ изученіи славянской Библии, бытовое изученіе естественно должно будетъ раздвинуть рамки вопросовъ, подлежащихъ научному изслѣдованію въ этой области. По существу бытовое опознаніе Библии является другимъ видомъ изученія предмета, по сравненію съ научнымъ изученіемъ. Наука недавно получила обзоръ научнаго изученія славянской Библии, т. е. обзоръ изученія языка и текстовъ преимущественно древнѣйшаго перевода Библии, со второй половины XVIII вѣка, въ трудѣ проф. А. В. Михайлова ¹⁾. Не бесполезно, думаемъ мы, осмотрѣться и съ другой стороны: что поставлено было въ исторіи и что получило развитіе относительно славянской Библии въ сознаніи другой части славянскаго міра, жившаго не научными представленіями, а интересами практическаго примѣненія славянской Библии къ жизни, при томъ значительно ранѣе XVIII вѣка.

По существу и въ научномъ изученіи и въ бытовомъ опознаніи славянской Библии—одинъ процессъ: то и другое стремится къ уясненію, къ усвоенію одного и того же предмета. Но пути, цѣли и средства въ томъ и другомъ методѣ различны. Бытовое уясненіе Библии возникло и питалось жизненными потребностями, главнымъ образомъ желаніемъ улучшить, или исправить текстъ славянской Библии, придать ему болѣе соответственный требованіямъ времени языковой видъ, каноническій порядокъ, или провести чрезъ него какія-либо новыя идеи. Однимъ словомъ въ центрѣ этого усвоенія лежатъ запросы и интересы практической жизни. Этотъ видъ бытового усвоенія стоитъ въ неразрывной связи съ тою средою, которая въ своей жизни содержитъ славянскую Библию въ богослужебномъ и домашнемъ употребленіи, въ литературномъ пользованіи и въ той или другой степени въ основѣ своего культурнаго міросозерпанія. Эта среда — восточное православіе. Другой видъ усвоенія предмета—научное изученіе возникло изъ общенаучныхъ потребностей ознакомиться съ древнѣйшимъ общеславян-

¹⁾ Опытъ изученія текста книги Бытія пророка Моисея въ древнеславянскомъ переводѣ. Часть I. Паримейный текстъ. Варшава 1912.

скимъ достояніемъ—славянскимъ языкомъ, по времени явилось значительно позднѣе перваго направленія и связано съ Библіей довольно случайною связью—недостаткомъ другихъ древнихъ памятниковъ. Это теченіе зародилось и развилось преимущественно въ средѣ западныхъ славянъ, въ средѣ, въ общемъ порвавшей связи съ славянскою Библіею, какъ живымъ преданіемъ. И то и другое теченіе одинаково законны и цѣльны: и жизненные запросы времени и отвлеченныя потребности научнаго изслѣдованія—каждое, въ мѣру своихъ возможностей, должно помочь общему всестороннему уясненію вопроса. Одна струя выдвигаетъ неотвратимую правду жизни, другая—правду логики. Хорошо было бы, если бы то и другое объединилось: если бы для рѣшенія поставлены были вопросы, заявленные жизнью, если бы къ нимъ приложена была научная изыскательность, примѣненная уже наукой къ предмету теоретическаго значенія. При такомъ порядкѣ могло бы получиться дѣйствительное знаніе славянской Библии.

Знаменитый именной указъ Петра I 14 ноября 1712 года объ изданіи славянской Библии гласилъ слѣдующее: «Въ Московской Типографіи печатнымъ тисненіемъ издать Библию на славянскомъ языкѣ, но, прежде тисненія, прочесть ту славянскую Библию и согласить во всемъ съ греческою 70 переводниковъ Библіею, и быть у дѣла того въ смотрѣніи и правленіи Еллиногреческихъ школъ учителю, іеромонаху Софронію Лихудію, да Спасскаго монастыря архимандриту Теофилактору Лопатинскому, да типографіи справщикомъ Федору Поликарпову и Николаю Семенову, въ чтеніи справщикомъ же—монаху Теологу да монаху Іосифу. А согласовать и править въ главахъ и стихахъ и рѣчахъ противу Греческія Библии грамматическимъ чиномъ, а буде гдѣ въ славянскомъ противъ греческой Библии явятся стихи пропущены, или главы перемѣнены или въ разумѣ Писанію Священному греческому противность явится, и о томъ доносить преосвященному Стефану, митрополиту рязанскому и муромскому, и отъ него требовать рѣшенія. Таковъ Великаго Государя именной указъ объявилъ Преосвященному Стефану, митрополиту рязанскому и муромскому, и въ типографіи вышеписаннымъ сказалъ тайный совѣтникъ графъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ»¹⁾. Прямой смыслъ указа совершенно

¹⁾ Описаніе документовъ и дѣлъ Св. Синода, т. III, стр. 29; пр. XIII, стр. XLVII, II, ч. 1, № 268, ч. 2, № 1183.